

Именно в таком сером городишке среди зелёных деревьев, розовых гор, синих морей и вели-колепных зданий, могла зародиться мысль, впоследствии вышедшая в мир и пронесшаяся по лицу земли, как бледный призрак смерти.

М. Арцыбашев «У последней черты»

• Поколение «шестидесятников», к которому безо всякого сомнения относил себя Николай Андреевич, из всех внеслужебных занятий предпочитало чтение. Прочитав ещё в школьные годы всю отечественную и мировую классику, уже в сознательном возрасте представители этого славного, более неповторимого в новейшей истории отечества племени все более увлекались толстыми литературными журналами. И теперь, спустя 30—40 лет, даже проживая в другом государстве, Николай Андреевич хорошо помнил все перипетии литературной жизни страны реально победившего социализма.

Поэтому, когда умеренно жарким июльским днем последнего года века и тысячелетия Николай Андреевич, благо находился в отпуске, зашёл в областную библиотеку в поисках одной занимательной книги по истории колчаковщины (читал рецензию в серьёзном журнале), то сразу заинтересовался висевшим в вестибюле плакатом, извещавшим, что такого-то числа (то есть сегодня) состоится встреча литературной общественности, посвящённая 70-летию со дня рождения Александра Ковалева. Мигом вспомнился этот скандально известный писатель, с коим, хотя и косвенно, он даже как-то пересёкся.

Поскольку до начала встречи оставались считанные минуты, то Николай Андреевич обратил внимание на входящих в библиотеку и сразу сворачивающих налево — в актовый зал — людей преимущественно пожилого возраста. Входили и женщины, но они поначалу прихорашивались у вестибюльных зеркал. Николай Андреевич отметил про себя: были они все пенсионного возраста, но что-то в их манерах, причёсках, даже в одежде напоминало сверстниц его комсомольской юности. Более того, куртуазно переговариваясь, они чисто машинально произносили слова типа «подставки», «станок», «лабух» и прочих. «Пришли вспомнить боевую молодость», — добродушно подумал Николай Андреевич и, оставив на потом изучение особой роли тётки генералиссимуса Суворова в становлении сибирских университетов, двинулся вослед за напрасно молодящимися дамами.

• В просторном зале пришедшие расселись группками, что восполняло его неполноту. Николай Андреевич примостился в самом конце, но хорошо видел президиум, даже узнавая некоторых местных литераторов — по портретам в

книгах, по телевизионным выступлениям за те три с половиной десятка лет, что жил он в этом городе. С легкой ностальгией по ушедшей юности глядяваясь в давно знакомые лица, Николай Андреевич добродушно заулыбался, вспомнив по некой непонятной аналогии случай двадцатилетней давности. В городе тогда случилось музыкальное событие: приехал с гастролем ленинградский диксиленд Олега Лундстрема. Особым меломаном Николай Андреевич себя не считал, но бонтон того времени требовал посещать концерты именитых столичных коллективов.

Выстояв солидную очередь за билетом, он вошёл в концертный зал филармонии, с удовольствием выслушал первую часть концерта, восхищаясь энергичностью сухошавого руководителя диксиленда в элегантном белоснежном костюме явно не производства фабрики «Мосшвейпром»... «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст!» — Съюморил его сосед и коллега по работе Слава Грачёв (тогда Николай Андреевич работал еще в ЦКБ агрегатостроения).

В антракте к ним подошёл опять же их коллега Лёва по прозвищу Диско, известный в городе фарцовщик по грампластинкам — огромный, с патлатой рыжей бородой, хохочущий басом.

— Ну, как вам? — Поинтересовался Лёва, явно намереваясь заскочить в буфет и без очереди («я не так воспитан — стоять в очередях») взять бутылку марочного портвейна.

— Знаешь, совсем, как молодой, — ответил Слава.

— Ха-ха-ха! — Громогласно заржал Лева, уперев руки в бока и откидываясь назад, — совсем молодой: под восемьдесят! Ха-ха-ха!

Продолжая хотеть, Лёва ринулся в буфет смочить горло.

...Размышления-вспоминания о творческом долголетию прервало предупредительное откашливание ведущего встречу, который отрекомендовался ответственным секретарём областной писательской организации. Стихи его Николай Андреевич читал и одобрял.

С самого начала встречи его одолевал один вопрос: в какой тональности пойдут воспоминания? Ибо хорошо помнил, как, уже сбежав из СССР, Ковалёв в своих диссидентских выступлениях по лондонскому радио заявлял: в городе, где он имел несчастье проживать, писатель был только один — Александр Ковалёв, а все остальные члены писательского союза сплошь малограмотные графоманы. А в президиуме сидели как раз все коллеги Ковалёва по писательскому цеху былых лет.

Однако чувствовалось: ведущий говорит по обязанности ответственного секретаря, безлично, не выказывая своего личного мнения. Да, мол, состоял в нашей областной организации в шестидесятых годах известный писатель-прозаик Александр Ковалёв, автор добротных повестей и романа «Доменный огонь». Некоторые его произведения входили в программу для школьного внеклассного чтения. Писатель не без таланта, замечен был и в столице, даже входил в редколлегию главного молодёжного литературного журнала страны. Пользовался расположением и высшего областного начальства...

Слушая политкорректное выступление ответственного секретаря, Николай Андреевич ухмыльнулся; сам человек прямолинейный до несдержанности, он в душе завидовал людям с качествами публичного оратора: говорить как бы от третьего лица. Потому, наверное, он никогда и не стремился в начальники, понимая несовершенство своей натуры.

А про доверие к Ковалёву его высокопоставленных опекунов весь город, да что там город, — вся страна не один месяц перешептывалась после бегства счастливирика литературной фортуны. В редакцию всесоюзного журнала того ввёл по неким на то причинам главный редактор, известный советский писатель, чьи произведения о войне вошли уже не в рекомендуемую, но в основную школьную программу, по которой в своё время Николай Андреевич учился. А рекомендацию на творческую командировку Ковалёва в Лондон на предмет вдохновения и написания книги о вожде Великой Октябрьской социалистической революции дали областной гебешный генерал и второй секретарь обкома. Все трое и поплатились своими карьерами. А ведь люди эти были непростыми, в других ситуациях сверхпроницательными, как того профессии их требовали, а тут попались...

Председательствующий завершил своё выступление аккуратно выверенной фразой, что-де надо помнить о человеке, но более всего о созданных им произведениях. Под аплодисменты речь не подходила по понятию, потому в зале установилась тишина, разрежаемая только

недовольным перешептыванием давешних экзальтированных дам.

Однако последующие выступления известных в городе, а некоторых и за пределами области, поэтов и прозаиков, а также примы драмтеатра, хорошо знавших Ковалёва, имели более мажорный характер. В основном говорили о его таланте, который так и не успел развернуться. Само скандальное бегство в их речах было фигурой умолчания, но как-то само собой подразумевалось, что сгубила дарование тоталитарная система. Экзальтированные дамы аплодировали.

Николай Андреянович потерял интерес к происходящему, тихонько вышел из зала, поднялся на второй этаж в комнату каталогов. К сожалению, нужная книга там не значилась. Вдвойне раздосадованный, он вышел из библиотеки и неторопливо дошагал до центрального парка. Присел на скамейку в тени деревьев, закурил, оставшись наедине с разбухшими воспоминаниями.

• Как мы уже говорили, будучи классическим «шестидесятником», в школьные годы Николай Андреянович прочёл всю классику: русскую и переводную, благо районная библиотека заполярного военно-морского города, где жила семья, находилась недалеко от дома. Особенно хорошо читалось летними круглосуточными днями с незаходящим северным солнцем.

В библиотеке его хорошо знали, потому выдавали книги сразу стопами — сколько донесёт. Например, одиннадцатитомное собрание сочинений Н. С. Лескова он приносил домой в два приёма, а вот полные собрания трудов Диккенса или Виктора Гюго приходилось делить на три части. Некоторые многотомные сочинения вроде классических китайских «Сон в красном тереме» и «Цветы сливы в синей чаше» он, как одобрительно сообщала завбиблиотекой Надежда Васильевна, вообще брал для прочтения первым с момента поступления этих книг в районное хранилище мудрости лет этак десять назад...

Что же касается современной русской литературы, то старший школьник Николка почему-то полагал, что она заканчивается Шолоховым, тогда ещё живым, бодрым и не лауреатом Нобелевской премии. Так, наверное, в школе литературу преподавали. Может быть. Кроме того, Николка рос стихийным эстетом, чему способствовала суровая и гармоничная атмосфера окружающего военно-морского порядка. И это эстетическое мироощущение отвращало его взор от неряшливых обложек толстых литературных журналов, по фактуре материала очень напоминавшие ту плотную синюю бумагу, в которую тогда формовались кирпичики пилёного сахара.

После окончания школы семья переехала с Севера в среднерусский город Т., а Николка поступил в местный политехнический институт. Он сразу записался в основные библиотеки города и в три районные, что рядом с домом, продолжая дочитывать классику, но уже XX века. Здесь он обратил внимание на то, что читающие девушки-студентки (а они почти все тогда читали) интересуются этими самыми толстыми журналами, но самым популярным была «Юность». Не читать её регулярно — значит не иметь тем для вступительных бесед с девушками.

Чтобы не стоять в очереди-записи в библиотеке на очередной номер популярного журнала, Николка с очередной стипендии, которую почти всю отдавал матери, на карманную пятирублёвку сделал себе подписку до конца года, которую и повторял регулярно вплоть до демократического пришествия. Куда-то эта «Юность» подевалась; во всяком случае с конца восьмидесятых годов на глаза ему не попадалась...

Как-то, придя домой на пролетарской окраине города после занятий во вторую смену и вечернего кино вдвоём, то есть уже в полночь, когда все спали, Николка прошел в свою комнатку переодеться в домашнее и увидел на столе свежий номер журнала. Приученный всё делать по порядку, он превозмог читательский искуc и сначала пошёл на кухню, разогрел и с невероятным ночным аппетитом съел оставленный матерью ужин. Заварил чай и со стаканом вернулся к себе, прилёг на диван с журналом.

От долгого общения с «Юностью» выработался и ритуал: первоочередно Николка читал «забойный» роман или повесть с продолжением. В этом номере начинался роман «Доменный огонь» Ковалёва. Где-то в дальней памяти эта фамилия вертелась, но вот в связи с чем? — Не мог вспомнить. Собственно говоря, сегодня читать не собирался, во-первых, по позднему времени, во-вторых, из производственных романов он уважал только советскую классику: «Семья Журбиных» Кочетова, «Цемент» и «Энергия» Gladкова...

Николка полистал начало романа, что-то его заинтересовало, особенно то, что действие происходит в Т., потому за следующий вечер он прочёл его, а в последующие два месяца с лёгким нетерпением ожидал очередных номеров с продолжением «Доменного огня»; производственный антураж здесь оказался явно ширмой. По прочтении последней части Николка был в некотором недоумении. В отношении чисто художественном? — Нет, роман ничем не отличался от среднего уровня, принятого в журнале; даже со скидкой на молодёжный статус. Компатриотство? — Но Николка всего третий год жил в городе, весь памятью о своей североморской родине. Не успел ещё адаптироваться к своеобразным местным нравам. Так что? Как ещё не малоопытен был Николка в жизни, выросши в тепличных — не по температуре, а по правильному флотскому устройению — условиях, но чем-то чуждым повеяло от прочитанного. Тем более, что тогда диссидентская литературы до провинции ещё не доходила, во всяком случае широко, а западные радиоголоса Николка слушал редко: приёмник стоял в общей комнате, где родители вечерами смотрели телевизор.

Читая в последние годы современную советскую литературу, Николка уже хорошо чувствовал грань допустимого, а вот в «Доменном огне», хоть и слегка, но грань эта пододвинулась. Наконец он пришёл к определённом выводу: так пишет, а главное — публикует, человек, что-то задумавший и при этом решивший плюнуть в глаза сразу многим.

•Как человек общительный, вовсе не себе на уме, Николка поделился своими мыслями в институте с одноклассниками из числа читающих, в той категоричной форме, что, дескать, писатель Ковалёв вот-вот смотается за границу. Кто посмеялся, кто задумался, а факультетский комсорг Петька Старокрещенов, всегда оказывавшийся поблизости, если собиралось вместе трое и более человек, поинтересовался: «Из каких это ты источников знаешь?». На что Николка пошутил: «А это врождённое качество предчувствия; у меня дядька был в бериевские времена полковником НКВД!».

Однако и сам он как-то задумался, когда спустя пару месяцев в «Комсомольской правде», а также в других центральных изданиях, появилось сообщение о скандальном бегстве писателя Александра Ковалёва. Особо гневно подчеркивалось: бывший советский литератор, опубликовавший несколько повестей, давно задумал измену. Пользуясь попустительством и непростительной близорукостью ряда ответственных руководителей, Ковалёв сумел получить двухмесячную командировку в Англию якобы для сбора материалов о лондонском съезде РСДРП — в преддверии 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Прибыв же в столицу Соединенного королевства, экс-писатель попросил политического убежища и потребовал тотчас доставить его в публичный дом... Самые гневные отклики публиковались, понятно, в «Литературной газете». Даже, как показалось Николке, профили Пушкина и Горького в заголовке газеты чуть посуровели... Сокурсники как-то странно посматривали на провидца, избегая разговоров о чём-либо, кроме грядущей сессии, а Петька Старокрещенов предупредительно вынимал из кармана пачку дефицитной «явской «Явы», как только Николка заходил в институтскую курилку. Николка же смущённо носил лавры сомнительного характера, мысленно ругал себя за ненужную болтливость.

В это же время подошла очередь их группе на вечернее дежурство в ДНД. Дежурство несли в пределах студенческого городка, он же целый городской микрорайон, с штабом в полуподвале общежитского дома. Николка уже не удивился, когда старший по штабу в этот день Петька Старокрещенов оставил его при себе — для особых поручений. Для отказа повода не было, но сидеть сиднем в душном полуподвале вместо приятных прогулок по вечернему городу в компании одноклассников, тем более — одноклассниц? Хотя Николка как староста группы по чину был равен Петьке, но пререкать ся не стал. Скучно спорить с комсоргами!

•После короткого официального инструктажа милицейского лейтенанта, приписанного по вечерам к штабу ДНД, разобрав красные повязки, студенты разошлись. Лейтенант занялся в своём закутке писаниной; как хорошо всем известно по жизни: врачи и милицейские офицеры (рядовые и сержанты грамоте плохо знают) пишут намного больше профессиональных литераторов и журналистов... А Николка с комсоргом принялись двигать шашки. Без интереса, но постепенно увлекаясь.

Однако идиллия длилась всего с полчаса; дверь шумно отворилась, в комнату вошли двое: один постарше в штатском и милицейский старлей.

— Здравствуйте, товарищи. Где старший?

На командный голос из своего кабинета вышел лейтенант, провёл пришедших к себе, затворил ранее открытую дверь. Через пару минут все трое вышли.

— Вот что, хлопцы, лейтенант отпускает вас с нами. Я — майор Орешкин из областного управления... из органов; Демиденко — участковый. Вы пойдёте понятыми: нужно произвести обыск квартиры врага народа; она в здешнем микрорайоне. Пошли!

Пока двигались маршевым шагом неполных два квартала до хорошо знакомого студентам дома почти напротив главного корпуса института, майор в штатском всё интересовался у участкового: взял ли ключи, опечатана ли своевременно квартира Ковалёва, опрошены ли соседи... Николка ещё раньше догадался о персоналии врага народа, а на задумчивом лице Старокрещенова явно читалось: неспроста именно их с Николкой взяли в ответственные понятые. Партнер же его, входящий во вкус шпиономании, не разочаровывал своё комсомольское начальство.

Квартира невозвращенца показалась Николке роскошной, но несколько запущенной, причём не от неряшества, а в угоду богемному, как писали в газетах о беглеце, образу жизни. Николка с богемой был знаком только по классической французской и русской литературе, но, пройдя за майором и участковым все три полнометражные комнаты, решил: богемному стилю соответствует. Страстный книголюб, он люто позавидовал книжным стеллажам от пола до потолка в рабочей комнате. Спальня его интересовала мало, а майор, скривившись суровым лицом, пробурчал: «Вот здесь этот гад со своими подгадёнными проститутками своих гуртом пользовали!»

Но в третьей комнате, по-видимому, с назначением гостиной, даже многое в жизни повидавший гебешник присвистнул изумлённо. А Николка и Петька вовсе разинули рты. Один участковый остался профессионально равнодушным. Изумляться было чему. И у несмышлёныша ещё Николки имелись знакомые из потомственных интеллигентских семей, в квартирах которых, в комнате, где проживали сын или дочь из студентов, участок стены метр-на-метр был отведён под подписи фломастером гостей, таких же студиозусов. Расписывались со смехом, распив на пятерых бутылку сухого. Но здесь весь высокий потолок был... сплошь закопчён. Как человек практичный и знающий толк в ремёслах, Николка первым делом задумался: а как это можно было технически исполнить? Наверное, с помощью паяльной лампы, как свиней палят...

Решив практическую задачу, Николка сосредоточился на размашистых подписях на потолке. Опять же, узнавая имена некоторых подписантов, известных в городе, он снова задумался о способе исполнения надписей на трёхметровой высоте. Решил и эту задачу: приносили стремянку, что стоит в библиотечной комнате, пока были не очень пьяны, взбирались поочередно на верхотуру и каким-то гвоздём или шкворнем царапали по саже, нанесённой на побелку...

Здесь размышления понятого прервал майор Орешкин:

— Так... осмотрелись? Теперь давай по порядку начнём с прихожей. Я буду диктовать, лейтенант, э-э старший, протоколировать, а вы, понятые, стойте смирно, не перемещайтесь в пространстве, внимательно следите за моими действиями. Да, ни к чему не прикасайтесь, лучше руки в карманах держите.

•Обыск начался с происшествия. Выйдя в просторную прихожую первым, майор завыл голос:

— Ты что тут делаешь?

Из-за плеча осанистого, но невысокого ростом майора Николка увидел, как некто неопределённого возраста, в пальто, но без шапки, с крашеными в рыжину патлами, выводил в растворённую входную дверь ранее стоявший здесь обычный дорожный велосипед. Услышав командный голос, угонщик замер и засопел.

— Кто такой? Зачем вещдок взял?

— Эт-та... мой велик, вот и пришёл забрать.

— Документы есть?

Крашенный засопел и протянул майору синюю книжку удостоверения, изрядно потёртую и захватанную.

— Та-ак, Охохонин, фотограф ателье «Светоч»? Некогда сейчас с тобой разбираться. Завтра во второй половине дня явись в райондел к следователю Угарину. Он и разберётся с тобой.

Орешкин передал удостоверение участковому, а тот решительно отгеснил фотографа за порог, закрыл дверь за ним на задвижку и поставил велосипед на прежнее место.

— Совсем народ оборзел, — ворчал он, — один за границу бежит, другой вещдок выносит...

Сама процедура оказалась скучной; через полчаса Николка, сидя на стуле, выдвинутом на середину библиотечной комнаты, даже задремал; сморил его монотонный голос майора. Но из дремоты его вывел тот же голос, но слегка посуровевший:

— Понятые, не спать! Смотрите, вот я пересчитываю папки с газетными вырезками, рукописями, журналами... девяносто три, девяносто четыре. Всего — девяносто четыре; записал? — Это уже к участковому.

...Когда, заново опечатав квартиру, вышли на улицу, была уже половина десятого. Майора поджидала легковушка (вызывал из квартиры по телефону бывшего хозяина), участковый нырнул в соседний двор по своим хлопотным делам, а Николка с Старокрещеновым дождались трамвая и поехали в недалний штаб ДНД: отметитья об окончании дежурства.

Кстати, выходя из квартиры, Петька поинтересовался у Орешкина:

— Товарищ майор! А вы подписку о неразглашении у нас отбирать будете?

— У понятых подписка не берётся, но кричать на каждом углу об обыске незачем, — майор внимательно, остановившись на лестнице, посмотрел на комсорга, — а вы в милиции работали?

— Нет, товарищ майор. А почему вы так решили?

— Да язык у вас профессиональный какой-то: подписку отобрать...

•Наступил пресловутый «миллениум», как обезьянничали с западного на ТВ и эстраде. Потекли годы для страны стабильные — в смысле монотонного, но неуклонного ухудшения жизни по всем фронтам; понятно, что при опять же неуклонном росте всех экономических показателей... А раз ситуация стабильная, то время ускоряет свой бег. Вот через неделю наступит последний год первой пятилетки нового века и тысячелетия; по какому-то календарю из индийской мифологии — год петуха. Наш добрый, но злоязычный народ уже шуткует: вот наступил год петуха — и всех нас опустят! Что же с таким народом поделаешь, ведь по телеку уже пятнадцать лет одни бандитские сериалы катают; невольно все лагерные нравы и феню в университетском объёме изучишь!

Однако погода под католическое Рождество, тоже телевизионщиками активно навязываемое православному народу, установилась изумительная: после тёплого декабря — лёгкий морозец, снежок редко и ненавязчиво сыпет, воздух чист даже в центре города. Вот почему Николая Андреяновича, вышедшего в половине шестого вечера из служебного автобуса, на котором он с коллегами приехал из подгороднего НПО «Меткость», потянуло не домой к раскалённому борщу по-украински, а в центральный парк, что рядом с остановкой и домом тоже.

Из парка, несмотря на позднее по зимним меркам время и крепчающий к ночи мороз, не хотелось уходить. Опущенные снегом столетние сосны в экономном (по Чубайсу) свете фонарей, утопанные дорожки, редкие прохожие и гуляющие, главное, полное отсутствие подростков с их матом и пивом — всё навевало умиротворение и уют жизни. Проходя мимо бюста основателю парка, Николай Андреянович невольно усмехнулся, припомнив, что у регулярно гуляющих по парку стариков и старушек правая аллея именуется Инфаркт-штрассе, а левая Инсульт-штрассе... Юмору все возрасты и болезни покорны.

Огибая засыпанный снегом центральный фонтан (впрочем, начиная с эпохи позднего Горбачёва, он и летом бездействовал), Николай Андреянович наткнулся на группку из трёх пенсионеров, по всей видимости из бывших обкомовцев-райкомовцев, жарко на морозе спорящих:

— ...А я говорю, уважаемый Никифор Спиридонович, что Сафонов в шестьдесят шестом стал вторым секретарём обкома! Я ли не знаю? Сам тогда в Пореченском райкоме инструктором трудился. А сняли его со строгачём в шестьдесят девятом за эту сволочь писарчуковскую, как его ... Ковалёва и бросили в облстатуправление, где он до пенсии и состоял в начальниках отдела. Ха! Я - и не знаю...

И Николай Андреевич, аккуратно обогнув спорящих партайгеноссе, неторопливо пошагал по центральной аллее, даже подсвистывая легонько весёлой музыке, доносившейся из репродукторов, высоко угнездившихся на фонарных столбах.

•Слова бывшего борца за прямызну линии партии вновь наполнили голову гаммой воспоминаний: от чтения «Доменного огня» в молодёжном журнале до относительно недавнего собрания почтенных литераторов в облбиблиотеке памяти писателя-беглеца.

Особенно его интересовало, даже тревожило, почтительное отношение местных писателей, преимущественно поэтов-песенников, к бывшему коллеге. А вот коллега-то их почтением не баловал. Николай Андреевич, обладая почти что абсолютной памятью, вернул себя в мыслях в студенческие времена, когда по вечерам, как и все его сверстники, слегка диссидентствуя, включал приёмник и, постоянно отстраиваясь от отечественных «глушилок» (а самая ближняя располагалась в трёх километрах от дома — в здании ДК «Серп и молот»), ловил вражеское лондонское радио. Из всего сонма сбежавших на запад соотечественников Ковалёв отличался — в худшую, конечно, сторону — своей торопливой угадливостью: врал и клеветал без всякой логики, а главное — голос, такой паскудный, захлёбывающийся голос... В добротных советских фильмах о войне такими голосами говорят, словно лижут сапог оккупанта, предатели, отрабатывающие свой эрзац-хлеб и шнапс из гидролизного спирта.

Кстати, он и от фамилии своей отрёкся, назывался господином Александером. И не в первый раз, а ещё получая «серпастый и молоткастый» паспорт в шестнадцать лет, отрёкся от ветхозаветной фамилии своего отца... Истинно по Евангелию — это про трижды отрекшегося апостола Петра.

Так вот, в лондонских радиопередачах, и в прощальном с родиной романе «Доменный огонь» Александер-Ковалёв -... (Николай Андреевич запомнил сложную в произношении первоначальную фамилию литератора) говорил и писал о местных литераторах однозначно и уничижительно. Николай Андреевич как человек умственно трезвый, напроць лишённый этакой нервической восторженности, прекрасно всё расставлял по своим местам. Есть литература мировая, всероссийская (бывшая советская) и провинциальная. Понятно, что местный поэт-песенник Шагалин и, например, Твардовский стоят на различных ступенях стихотворного пьедестала, но ведь природа-мать не может породить сразу столько твардовских, чтобы их партиями по десять-двадцать штук распределить по всем восьмидесяти (в советское время — ста пятидесяти) региональным писательским организациям? Это нонсенс. А Шагалин вполне приятен на своём месте.

А то получится, как в давнем выступлении первого секретаря нашей области Ивана Харлампиевича на съезде КПСС: «...Раньше у нас был только один писатель — совесть земли русской, а сейчас только одних членов Союза писателей двадцать семь!».

И даже если ты на 1/50 выше головой над своими коллегами, то ведь это не повод поливать их ушатами презрения? Тоже мне — шишка на ровном месте. ...А они «в отместку» ему вечер памяти (!?). Этого Николай Андреевич никак не мог понять, хотя и осознавал: литераторы — люди со сложной психологической конституцией.

•А вообще-то Николай Андреевич людей творческих, не только писателей, полагал активными участниками некой глобальной лотереи. Исключая гениев, но число их крайне ограничено. Например, в русской литературе гениями Николай Андреевич полагал Пушкина, Гоголя, Достоевского и Льва Толстого, впрочем, последнего со множеством оговорок. И всё. А снизу литературы, не относясь к ней, матушке, расположились в пространстве и времени сонмы графоманов, начиная от классического графа Хвостова — любимого родственника генералиссимуса Суворова, и вплоть до современных властителей дум и чайний трудовых и нетрудовых масс: эстрадных ёрников, смехачей и авторов-куплетистов, словом, лауреатов высших премий страны.

Сюда же Николай Андреевич вполне резонно относил отставных полковников, дам, оставшихся без мужей на пятом десятке, бесконечные легионы самопальных поэтов. Все эти почтенные люди занялись литературой, преимущественно поэзией в гомеровских формах, от скуки жизни, выпав из привычных полезных занятий и родных коллективов.

А вот между малочисленными гениями и миллионами тружеников-графоманов и расположилась собственно литература, условно подразделяемая на элитную, всероссийскую,

столичную, провинциальную (в советское время — периферийную), районного масштаба и чудаческую. Причём провинциальная также представлена в двух градационных формах, относящихся к университетским центрам и к просто областным городам.

А теперь — внимание! — Самый парадоксальный вывод, к которому пришёл после многолетних раздумий Николай Андреевич: деление писателей на выдающихся, талантливых, способных и даровитых (понятие «просто писатель» в этом клане оскорбительно) мало зависит от указанной выше географической классификации, весьма условно, а попадание в ту или иную номинацию суть жизненная лотерея. Проще говоря: в одной ситуации ты выдающийся, в другой — способный. Понятно, что два важнейших фактора сулят удачу в этой своеобразной лотерее: личная целеустремленность и происхождение; словом, как пел Высоцкий: «А если ты, как дерево, родился баобабом, то будешь баобабом жить, пока померешь!».

Это значит, что и две крайних категории — выдающийся и даровитый — есть одни и те же способности к творчеству в потенции. А всё же появляющееся различие в степени мастерства по мере дления литературной жизни — это уже следствие, но не причина. Здесь можно провести аналогию с пословицей: деньги к деньгам идут. То есть, если литератору А. всё идёт в масть (см. выше), то у него появляется азарт: количество написанного растёт снежным комом (ведь издают!), он становится критичным и к качеству своих творений; но последнее необязательно: при обильных гонорах к его услугам толпы редакторов и корректоров, хорошо знающих грамоте. А как пошли премии, лауреатства, ордена и медали, то поспешает ему навстречу и народная признательность. Отсюда всего полшага до титула выдающегося — и марш в живые классики! По неслучайному совпадению, все эти А живут в столицах, а в новейшее время не брезгают тем же Лондоном, Брайтон Бич и даже исторической родиной — последней страной победившего социализма.

Но равному с ним по природным задаткам Б. явно не повезло с родителями, местом жительства, неволевым характером. Он поначалу с энтузиазмом пишет, хорошо для начального литературного возраста пишет, крепко, как принято говорить в писательской среде. Но года идут, печатают только в родном провинциальном издательстве, в столицу не пробиться: в редакциях толстых журналов даже КВВК* брезгают... А в нынешние вольнолюбивые времена и вовсе счёт на «зелёные» идёт.

От несбывшихся ожиданий азарт спадает, появляется лень безнадёжности, от чего страдает количество и, главное, качество сочиняемого. Жить на что-то надо; неумолимо мастерство замещается прикладным профессионализмом: написанием сценариев всенародных праздников, эстрадных куплетов, а сейчас — кормушка в виде изготовления в предвыборные кампании мегатонн газет и листовок-речёвок, восхваляющих трудовые подвиги кандидата в депутаты Вована Живорезовича... Так наш Б. твердо марширует к идеалам добра и человечества в рядах обычных способных с арьергардом даровитых...

А поменяй местами рождения, характерами и родителями А. и Б.? — Так второй бы уже примеривался к «Андрею Первозванному», а А. в лучшем случае редактировал газету областной партии ветеранов «стрелок» малого и среднего бизнеса...

Кстати, Николай Андреевич построил такую пессимистическую концепцию не на голом месте. Он даже привёл выводы серьёзной науки — биологии. Получается так, что гении и графоманы, как правило, имели (последние и сейчас имеют) ту или иную патологию; достаточно вспомнить биографии Гоголя и Достоевского. Только Александр Сергеевич был абсолютно здоров, потому и называют его «светлый гений». А насчёт графоманов? — Не поленитесь оглянуться на соседа, пишущего по вечерам и выходным трёхтомные поэмы.

А вот собственно литераторы, что расположились между гениями и графоманами, все, как на подбор, здоровяки. То есть и со стороны личного здоровья изначально шансы у них равны. Это как в основополагающем документе ООН, знаменитой «Декларации»: все люди на Земле рождаются свободными и равными в правах...

•Автор «Доменного огня» как нельзя лучше подходил под теорию Николая Андреевича. Имея задатки добротного «средняка», он уверенно карабкался к всесоюзной известности, то есть уже миновал категорию способных и нацеливался на талантливость. Здесь ему помогло происхождение, место рождения — столичный город, соответствующий характер борца

за место под солнцем. И ещё он расчётливо сделал верный шаг: сразу не полез в Москву, а временно осел в Т., под столицей, памятуя слова Кая Юлия Цезаря, правда, перевёрнутые: лучше быть первым в глухой галльской деревушке, чем последним в Риме... Немногие до такого шага додумываются. Скорее всего это ему посоветовали московские покровители — маститые акулы пера.

Но не все в жизни гладко идёт; избранный шаг был абсолютно правильным в потенции, но воспользоваться им может только человек с выдержанным характером. Вот здесь-то у Ковалёва Александра и выявился изъян: он не смог преодолеть искуса грядущего превосходства по отношению к скромным в своих притязаниях коренным литераторам, его коллегам по писательскому цеху. Отсюда — презрение к скромным служителям муз, а от презрения прямой путь к мании величия.

Здесь надо отметить ещё один существенный момент, повлиявший на взращивание у Ковалёва комплекса неудовлетворенности: он прекрасно понимал, что в суровые брежневские времена — по причине родительской фамилии — ему не дотянуть до «выдающегося»; его предел в ближайшее десятилетие — талантливый с всесоюзной известностью.

Вот оба эти фактора психологического характера и подвинули Ковалёва к неадекватному поведению. Сначала это проявилось в его сексуальных богемных развлечениях. Сдерживаемый рамками соцреализма, всё же в «Доменном огне» он живописал «хаты» в Поречье. А его квартиру и сам Николай Андреевич видел. Учитывая возраст «под сорок» и знакомое по фотографиям явно не плэйбойское лицо (вытянутое, в очках, с редкими волосами) сочинителя, Николай Андреевич совершенно справедливо полагал, что у того был ещё и комплекс сексуальной неполноценности, который он и заглушал половой распущенностью. Не надо читать до посинения в глазах Фрейда и Фромма, чтобы понять эту связь...

А половой беспредел имеет ту отрицательную сторону (кроме опасности получить дурную болезнь), что и умного человека делает дураком — в том смысле, что толкает на поступки, плохо объясняемые обычной логикой. Отсюда и последний шаг.

Самое гадостное — он не подумал о матери, о том, что подставляет под карающий меч многих своих высокопоставленных покровителей: от генерала КГБ до главного редактора всесоюзного литературного журнала. Конечно, размышлял Николай Андреевич, были и до Ковалёва диссиденты, перебравшиеся на Запад. Но все они старались не раздражать власти; всё шло по некоему стандартному сценарию, своего рода джентльменское соглашение: публикация в Самиздате - дурдом - выездная виза в Израиль - пересадка в Вене на самолет nach Брайтон Бич. А своим демаршем, использовав имя Ленина, Александр разрушил эту сложившуюся и всех устраивающую систему. Получается, что своим поступком он нанёс огромный вред даже своим собратьям по духу и национальности...

•То есть определение «враг народа» применительно к Ковалёву, есть не эвфемизм, но констатация действительного факта. Когда человек противопоставляет себя всему народу, ненавидит его, то судьба его наказывает: он становится врагом самому себе. Так змея кусает свой хвост. Но у пресмыкающихся действуют биологические законы, а у человека с его высоко развитой психикой? — Правильно, повреждение её. Винават ли одержимый в появлении и развитии душевной болезни? С медицинской точки зрения, с позиций медицинской этики такой вопрос безнравственен. Не суди, да не судим будешь — евангельские слова опять же.

Но как быть в случае осознания, то есть добровольного сумасшествия? — Поощрение порока в себе, распущенность ума и тела, бес гордыни... А вот за это наказывают. Всё же в наказании литератор-беглец приблизился к недостижимой в жизни категории выдающихся: сравнялся с самим Иудушкой Троцким — того и другого убрали от глаз людских по приговорам, утверждённым на самом высоком государственном уровне. Скорее всего так можно интерпретировать смерть г-на Александра при странных автомобильных обстоятельствах.